

**Роос Генрих Ульрих**

**С Наполеоном в Россию**

**Воспоминания врача о походе 1812 г**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Г34

Г34      **Генрих Ульрих Р.**  
С Наполеоном в Россию: Воспоминания врача о походе 1812 г / Роос Генрих Ульрих – М.:  
Книга по Требованию, 2023. – 196 с.

**ISBN 978-5-519-81192-7**

**ISBN 978-5-519-81192-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## Предисловіе къ нѣмецкому изданію.

Передъ вами, читатель, книга, повѣствующая о событіи, полномъ жгучаго интереса. Книга эта принадлежитъ перу швабскаго врача Генриха-Ульриха-Людвига Рооса, совершившаго путешествіе отъ западныхъ береговъ Дуная до Нары,—южнѣе Москвы, и обратно до Березины. Съ кѣмъ же? Съ великой арміей, трагическая судьба которой повергла сто лѣтъ тому назадъ весь міръ въ непримѣрное волненіе и сотни тысячъ семействъ всѣхъ странъ въ трауръ. Слѣдствіемъ этого трагическаго конца великой арміи явился также переворотъ въ общемъ расположеніи Европы, принявшей при дальнѣйшемъ ходѣ событій тотъ политическій образъ, который она почти сохранила до сего дня. Походъ 1812 года можно въ собственномъ смыслѣ слова назвать трагедіей, трагедіей той великой арміи, которая до того времени весело и побѣдоносно прошла чуть ли не по всему міру съ режиссеромъ въ сѣромъ пальто во главѣ—съ богомъ войны, одно появленіе котораго, казалось, уже служило ручательствомъ того, что всякое предпріятіе закончится славнымъ финаломъ съ возгласами: «Vive l'Empereur!»

Если сущность трагическаго видятъ въ томъ, что герой погибаетъ въ конфликтъ съ существующимъ порядкомъ вещей или съ воззрѣніями своего

времени и своего вѣка, то въ войнѣ 1812 года было бы на лицо прямо скопленіе трагическихъ моментовъ. Одного взгляда на политическое и военное положеніе того времени достаточно, чтобы убѣдить въ этомъ читателя. Не было, какъ это часто говорятъ, необузданнаго стремленія къ власти, «кейсарева безумія», которое заставило бы великаго полководца, вторженіемъ въ обширное государство русскаго царя, поставить на карту свою славу, свое могущество. Въ опроверженіе, создавшихся ложныхъ представленій, можно указать на тотъ неоспоримый въ настоящее время фактъ, что Наполеонъ, собственно, и не хотѣлъ войны, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда она вспыхнула. «Онъ не искалъ войны», говоритъ знатокъ того времени, «онъ охотно избѣгъ бы ея; онъ надѣялся еще въ маѣ, во время своего пребыванія въ Дрезденѣ, на мирный исходъ конфликта съ Россіей. Что-то роковое заставило прежнихъ «друзей» и теперешнихъ противниковъ стать другъ противъ друга». Съ одной стороны, невозможность для Наполеона обойтись безъ помощи русскихъ при проведеніи своей экономической борьбы съ Англіей; съ другой—невозможность для царя Востока подчиниться волѣ властителя Запада, не подвергая серьезной опасности экономическія силы своего собственного государства, нуждающагося въ товарообмѣнѣ съ Англіей. Экономическая война, какъ это часто бываетъ, и въ данномъ случаѣ предшествовала борьбѣ мечомъ и огнемъ. Но еще ужаснѣе представляется трагическое стеченіе обстоятельствъ, если ихъ разсматривать съ болѣе высокой точки зрѣнія. Это «вѣчно-прошрое» преслѣдуетъ по пятамъ великаго корсиканца, подобно тому, какъ это было въ семнадцатомъ вѣкѣ съ Валленштейномъ.

Онъ не можетъ вступить въ Россію, не оставляя за своей спиной хотя бы одной страны, гдѣ не было бы недовольства. Это—его союзники, недавно побѣжденная Пруссія и Австрія. Вспомогательные отряды этихъ странъ, посланные далеко не добровольно, онъ оставляетъ на флангахъ своей арміи вмѣсто того, чтобы взять ихъ съ собой при своемъ нападеніи на центръ—на Москву. Это обстоятельство сдѣлало возможнымъ измѣну Юрка и поведеніе Шварценберга въ Волыни, повлекшее за собой роковыя послѣдствія, такъ какъ именно онъ позволилъ ускользнуть русскому адмиралу Чичагову, котораго долженъ былъ задержать, и послѣдній, только благодаря нерѣшительности Шварценберга, получаетъ возможность загородить путь великой арміи при ея обратномъ переходѣ черезъ Березину при Борисовѣ. Этимъ подготавливается почва для самой тяжелой катастрофы.

Но еще задолго до этого событія была предопредѣлена судьба великой арміи. Уже непосредственно при походѣ на Москву, предпринятомъ слишкомъ поздно, а не только на обратномъ пути (такое представленіе распространено въ публикѣ), погибла большая часть арміи.

Въ арміи Наполеона было круглымъ счетомъ 450.000 человѣкъ и, приблизительно, 1.200 орудій. Именно эта грандіозность предпріятія сдѣлалась причиной его неудачи. Даже въ этомъ сказывается глубоко трагическая черта.

Геніальный полководецъ французской арміи хотѣлъ достичь того, что при тогдашнемъ состояніи техники было невозможно. Какъ ни казалась зрителямъ велика армія, двинувшаяся въ Россію, но въ сравненіи съ тѣмъ пространствомъ, которое пришлось ей занять и обслуживать, она, конечно,

была недостаточна и быстро разсѣялась по необъятнымъ равнинамъ Россіи. Управлять этими разрозненными силами не сумѣлъ даже Наполеонъ.

Въ то время, какъ извѣстно, не было ни телеграфа, который бы въ нѣсколько минутъ передавалъ приказанія на нѣсколько тысячъ верстъ, ни желѣзныхъ дорогъ, по которымъ можно было-бы переслать съѣстные припасы и отряды въ большемъ числѣ въ тѣ мѣста, въ которыхъ въ данный моментъ нуждались. Такъ какъ у Наполеона не было этихъ и многихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ современной техники, необходимыхъ для болѣе скорого передвиженія его войскъ и для единого командованія ими, онъ лишился возможности въ первый періодъ похода захватить русскихъ и окончательно разбить ихъ разъединенные отряды.

Какъ извѣстно, русскіе выставили двѣ западныя арміи: одну, подъ начальствомъ Баркляя де-Толли, въ сѣверной Литвѣ, а другую, болѣе на югѣ, въ мѣстности около Волковыска, подъ начальствомъ Багратіона. Планъ Наполеона пойти походомъ на Вильну, чтобъ врѣзаться клинообразно между двумя арміями и затѣмъ уничтожить ихъ въ отдѣльности, былъ блестяще придуманъ; однако, этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря указаннымъ причинамъ. На югѣ медлительность Жерома, за которымъ императоръ не могъ достаточно услѣдить, позволила уйти князю Багратіону, а на сѣверѣ не удалось принудить Баркляя къ рѣшительному сраженію. Только незначительные, частичные успѣхи были достигнуты французами и; притомъ, цѣной большихъ жертвъ, въ то время какъ обоимъ русскимъ полководцамъ удалось соединиться, отступая къ Смоленску, гдѣ опять произошелъ кровавый, но безрезультатный бой, въ

которомъ единственнымъ утѣшеніемъ для Наполеона могло служить взятіе полуразрушеннаго города. За это время продолжительные, въ теченіе многихъ недѣль, переходы по безконечнымъ равнинамъ русскаго государства разстроили физическія и нравственныя силы великой арміи. Непривычный климатъ—палящій зной днемъ и холодныя ночи—и плохое питаніе истощили людей и животныхъ. Появились болѣзни въ родѣ дизентеріи; лошади страдали вслѣдствіе сырого зеленого корма, вызывавшаго вздутія живота, отъ чего можно было избавиться только утомительной гоньбой этихъ животныхъ; армія будто-бы потеряла 80.000 лошадей по пути въ Москву. Войска одичали въ негостепріимной странѣ. Даже и въ этомъ отношеніи все предпріятіе разбивалось ~~объ~~ неумолимую логику фактовъ. Наполеонъ сдѣлалъ все возможное для продовольствія огромнаго количества воиновъ, вторгшихся по его повелѣнію въ бѣдно-населенную страну.

Стада рогатаго скота и овецъ отправлялись вслѣдъ за арміей. На полдорогѣ этотъ скотъ либо гибъ отъ переутомленія, либо его отбивалъ непріятель, и только незначительная часть достигала мѣста назначенія, и то въ такомъ состояніи, что мясо этихъ жалкихъ, похудѣвшихъ животныхъ сдѣлалось не только несъѣдобнымъ, но даже опаснымъ для здоровья. Такимъ образомъ, въ отношеніи провіанта солдаты были предоставлены самимъ себѣ. Какъ всегда—это сейчасъ-же ослабило дисциплину. Число мародеровъ было несоразмѣрно велико, и крестьяне страдали отъ ихъ безчинствъ. Это обстоятельство должно было вызвать месть со стороны обиженныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, скоро все чаще и чаще грабителей находили убитыми.

Нельзя упрекнуть Наполеона, что онъ этому не препятствовалъ. Пока было въ его силахъ, онъ боролся съ мародерствомъ. Въ Литвѣ разстрѣляли множество грабителей. Авторъ этой книги былъ самъ очевидцемъ этого. Еще при выступленіи изъ Москвы императоръ отдалъ строжайшій приказъ соблюдать порядокъ. Конечно, приказъ этотъ не достигъ, въ виду того состоянія, въ какомъ находилась тогда большая часть арміи, какихъ бы то ни было результатовъ. Уже въ Смоленскѣ большинство солдатъ было изнурено, и почти всѣ маршалы были того мнѣнія, что нужно здѣсь остановиться и не продолжать похода дальше. Но императору не доставало большого рѣшительнаго сраженія, которое, какъ при Аустерлицѣ, Ваграмѣ, низвергло бы врага и однимъ взмахомъ закончило бы войну.

Какъ собственныя ошибки, такъ и ошибки французовъ, навели русскихъ, сначала безсознательно и вопреки ихъ волѣ, на правильный планъ веденія войны, состоявшій въ томъ, чтобы завлечь противника все болѣе вглубь страны, а затѣмъ предоставить его всѣмъ ужасамъ сѣверной зимы и ея спутникамъ—стужѣ и голоду.

Однако, защитники русской старины не могли и не хотѣли примириться съ мыслью, чтобы святая столица русскаго государя была отдана врагу безъ боя. Послѣдствіемъ этого явилась прежде всего перемѣна въ главномъ командованіи — на мѣсто Барклая былъ назначенъ Кутузовъ—и затѣмъ битва при Бородинѣ, страшная битва при Москвѣ-рѣкѣ, ужасная кровавая баня. Такимъ образомъ, наступила, наконецъ, желанная Наполеономъ побѣда, но это не была та побѣда, какъ при Ваграмѣ и Фридландѣ. Что-то не доставало въ этомъ походѣ, въ которомъ

онъ долженъ былъ потерпѣть неудачу. На этотъ разъ онъ самъ помѣшалъ полному уничтоженію вражескаго войска тѣмъ, что въ рѣшительный моментъ задержалъ гвардію. «Плохое самочувствіе было тому виною,» какъ утверждаютъ нѣкоторые. «Никогда онъ не былъ менѣе великъ, какъ въ тотъ день,» осмѣливается сказать участникъ битвы, генералъ Дебетъ де-Гельдеръ, о побѣдителяхъ въ битвѣ при Москвѣ-рѣкѣ. Мы не станемъ разбираться въ этихъ вопросахъ. Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ достигъ успѣха только наполовину: если даже русскіе отступили съ значительно большими потерями, то ихъ новый полководецъ Кутузовъ могъ пройти довольно безпрепятственно черезъ Москву, чтобы вскорѣ при Тарутинѣ занять крайне неприятное для французовъ фланговое положеніе, тѣмъ болѣе для нихъ опасное, что русскіе имѣли по близости тульскіе оружейные заводы и были въ состояніи непрерывно получать новыя подкрѣпленія. Но дорога къ столицѣ русскаго государя была открыта. «Москва, Москва!» съ восторгомъ раздавалось со всѣхъ сторонъ, когда съ высоты Поклонной горы открылся видъ на великанъ-городъ, производившій впечатлѣніе чего-то сказочнаго особеннымъ строеніемъ своихъ церквей и дворцовъ. Однако, скоро показались изъ нихъ языки пламени, свидѣтельствовавшіе о ненависти, тлѣвшей въ самой глубинѣ души этого славянскаго народа и его предводителей къ завоевателямъ.

Пожаръ Москвы является апогеемъ трагедіи 1812 года: здѣсь завязка достигаетъ высоты своего развитія, и здѣсь начинаются самыя кошмарныя, самыя страшныя, сплошь залитыя кровью страницы исторіи похода 1812 года.

Неудивительно, что очевидцы этой<sup>31</sup> страшной

драмы, сейчас же по окончаніи ея, взялись за перья, чтобы передать на бумагѣ все пережитое. Къ нимъ принадлежитъ авторъ этой книги, врачъ Генрихъ Роосъ, чьи «мемуары о войнѣ 1812 года» предлагаются здѣсь читателю въ нѣсколько сокращенномъ видѣ. О своей жизни до войны и послѣ нея авторъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, поэтому мы не станемъ приводить ихъ здѣсь и скажемъ лишь, что всѣ свѣдѣнія, приводимыя имъ о себѣ, подтверждаются данными королевскаго военнаго архива въ Штутгартѣ.

Книга Рооса рисуетъ намъ автора, какъ благонамѣреннаго человѣка, глубоко проникнутаго достоинствомъ медицинской науки и святостью докторскаго призванія. Этотъ вюртембергскій врачъ не былъ ученикомъ Дарвина, Фогта и Гекеля. Далекій отъ скептицизма новѣйшихъ медиковъ, онъ гораздо болѣе принадлежитъ къ докторамъ старой школы, къ людямъ бесѣдующимъ съ серьезнымъ, до смѣшнаго, видомъ относительно «*contagium relativum*» и «*contagium absolutum*» холеры, которые, однако, въ своей преданности своему званію и страдающему человѣчеству, могутъ служить примѣромъ нынѣшнимъ, часто руководимымъ матеріальными интересами. Намъ страннымъ кажется слышать, какъ человѣкъ, живя среди грубыхъ воиновъ, все переноситъ съ дѣтской вѣрой въ Бога, довольствуется тѣмъ, что предопредѣлила жестокая судьба, и въ утѣшеніе воспоминаетъ мѣста изъ духовныхъ книгъ Геллерта; но съ другой стороны намъ пріятно видѣть его работающимъ неустанно съ ланцетомъ въ оконченѣлыхъ рукахъ, вынимающимъ пули изъ тѣла друзей и враговъ и при этомъ обращающимъ мало вниманія на собственную жизнь, въ то время когда кругомъ свистятъ гранаты, и тусклый свѣтъ бивуач-

ныхъ огней освѣщаетъ его кровавую работу. Дѣятельность военнаго врача, вмѣстѣ съ серьезнымъ, чистымъ и честнымъ направленіемъ въ жизни, ставятъ воспоминанія Рооса въ ряду мемуарной литературы о русскомъ походѣ на одно изъ первыхъ мѣстъ. Кто думаетъ прочесть въ этой книгѣ стратегическія соображенія, разборъ совершенныхъ ошибокъ и промаховъ воюющихъ сторонъ, тотъ едва ли найдетъ это у автора, передающаго только по этому поводу мнѣнія, выраженные ему офицерами—его соратниками. Кто такимъ образомъ желаетъ издать *le grand art de la guerre*, какъ называется это французъ, тотъ долженъ обратиться къ другимъ произведеніямъ, а не къ этой книгѣ вюртембергскаго военнаго врача; то-же самое должны сдѣлать тѣ, которые надѣются найти описаніе ужасовъ этого похода въ сенсационно-романтическомъ видѣ. Докторъ Роосъ не обладаетъ фантазіей Лабомэ или Сегюра, а также умѣніемъ преувеличивать; онъ не говоритъ въ хвастливомъ тонѣ иныхъ французскихъ писателей, всѣ геройскіе подвиги приписавшихъ собственной націи и всѣ промахи союзнымъ войскамъ. Интересно, между прочимъ, познакомиться съ личнымъ отношеніемъ автора къ Наполеону. И тутъ изложеніе Рооса строго объективно.

У него въ отношеніи къ императору нѣтъ ни энтузіазма Бурго, ни мечтательности храбрыхъ офицеровъ, какими являются генераль Марбо и его товарищъ Гриуа, полковникъ Комбэ, маіоръ Кудрэ, капитанъ Куанье и сержантъ Бургонъ, не знающихъ никого, кромѣ императора; ему недостаетъ энтузіазма людей, отдающихъ послѣднее полѣно изъ бивуачнаго огня, когда требуются дрова для Наполеона. Но онъ не питаетъ ненависти Лабомэ, чей «обстоятельный рассказъ о русскомъ походѣ» на-

писанъ съ цѣлью бросать обвиненіе за обвиненіемъ несчастному предводителю несчастной арміи. Роосъ самъ мало говоритъ собственно о Наполеонѣ. Что онъ не одобряетъ этого гигантскаго похода на Россію, это, правда, просвѣчиваетъ во многихъ мѣстахъ его книги, но въ то-же время онъ добросовѣстно указываетъ на довѣріе, питаемое его товарищами по полку—по крайней мѣрѣ, лучшей частию ихъ—къ вождю, подъ знаменами котораго они сражаются. «Пока этотъ живетъ и стоитъ во главѣ управленія,» говоритъ ротмистръ Рейнгардтъ, «нужно всегда рассчитывать на счастье и надѣяться.» Какое имъ дѣло было до болтовни солдатскихъ женъ, изъ которыхъ многія ругали императора: «Да, этотъ Наполеонъ обѣщалъ намъ всегда золотыя горы и прекрасныя страны для зимовки! не сдержалъ слова; онъ, вѣрно, это сдѣлаетъ, когда будетъ уже поздно, и мы погибнемъ отъ горя.» Бѣдная женщина, кричавшая это, предсказала вѣрно,—и все-таки какими иными чувствами вѣетъ отъ другой сцены, переданной также Роосомъ: мимо города Борисова, гдѣ живетъ самъ докторъ, какъ плѣнный, тянется отрядъ нѣмецкаго легіона, составленнаго изъ попавшихъ въ русскій плѣнъ нѣмцевъ. Многіе поступили въ него съ цѣлью спастись изъ русскихъ цѣпей и съ твердымъ намѣреніемъ при первомъ удобномъ случаѣ убѣжать къ своему императору. Также и офицеры, большею частью, совершенно настроены по наполеоновски до того, что полковникъ, завязанный русскій, велитъ нѣсколькихъ изъ нихъ звѣрски разстрѣлять.

Несмотря на то, что всѣ эксцессы войны Роосъ описываетъ сдержанно, а многое обходитъ даже молчаніемъ, читателю, любящему историческія сочиненія, дѣйствующія на нервы, нечего опасаться